

Он так и не ответил на тот вопрос.

Твой милый, драгоценный, любимый зовёт тебя — так ты придёшь или нет?!

Гу Тин знал, что Хо Янь не придёт.

И не сможет.

Ю Дачунь, явившийся с императорским указом и евнухом-надсмотрщиком, ещё не доехав до Цзююаня, уже придумал, как устроить провокацию. Девушка из семьи Лю была, вероятно, лишь одним из поводов. Мелких пакостей, которые они затеяли в тени, наверняка было не счесть. Если как следует не придержать Хо Яня за фалды, как урвать себе шанс и заслуги?

Да ещё и северные ди совершают набеги, на границе не прекращаются бои — Хо Янь разрывается между делами, и выкроить время ему сложно. Перед таким человеком все эти мелкие интриги не стоят того, чтобы обращать на них серьёзное внимание. Всё должно уступать дорогу спокойствию границ и благополучию народа.

Защищать рубежи Гу Тин не мог. Он был далёк от власти, информация до него доходила ограниченно, и даже при всём желании помочь по-крупному он не в состоянии. Пришлось начинать с того, что под рукой.

Ю Дачунь нацелился на семью Лю, но метил в князя — Стража Севера. Запутанные в этой интриге стороны метались в растерянности и тревоге, но какие бы планы они ни строили, без посторонней помощи одной лишь семье Лю было не справиться.

Лю Богуань, возможно, и не доверял Гу Тиню, самому предложившему помощь. Момент был слишком подозрительный — кто знает, не пытается ли кто-то воспользоваться смутой и устроить свои делишки? Но Гу Тин пообещал, что всё дело возьмёт на себя, семье Лю не придётся прилагать никаких усилий, Ю Дачунь ничего на них не заподозрит, а весь риск он, Гу Тин, берёт на себя. Что в таком предложении можно было не принять?

Гу Тин был уверен в успехе своего плана для семьи Лю, и исход дела доказал — его уверенность не была напрасной.

Выйдя из дома Лю и поднявшись в повозку, Гу Тин опустил взгляд на маленькую ручную грелку и усмехнулся.

У Фэн откинул занавеску:

— Господин?

Гу Тин посмотрел на него взглядом глубоким, как тихие воды:

— Начинаем.

У Фэн ответил:

— Есть!

Ловушка, на самом деле, была уже подготовлена. Всё необходимое приготовили втайне, оставалось лишь дожидаться подходящего момента.

У Фэн даже не стал спрашивать, что нужно делать. Он отвёз Гу Тина домой, подготовил

горячий чай, ароматный уголь в жаровне и даже толстое одеяло, а когда его господин лениво улёгся с книгой, спокойно отдыхая, — развернулся и ушёл. Он наклеил себе бороду, переоделся, перевоплотился и незаметно покинул жилище.

Как только Ю Дачунь с евнухом-надсмотрщиком въехали в город Цзююань, в городе мгновенно воцарилось оживление. Горожане с любопытством глазели, все винные лавки и чайные заполнились до отказа. К полудню, когда великий военачальник Ю закончил трапезу, а слуги расслабились, выйдя прогуляться или по делам, на улицах стало ещё многолюднее.

Вновь прибывшие были незнакомыми лицами, и, чтобы сделать что-то или разузнать новости, им самим приходилось заводить разговоры с местными. А коли уж разговаривать — волей-неволей приходилось приправлять беседу правдой и ложью о великом военачальнике Ю и старшем евнухе Ли Гуне. Конечно, посланцы заранее получили наставления, держали язык за зубами, и словам их полностью доверять было нельзя. Простолюдины же особых требований не имели — главное, держать ухо востро, лишнего не болтать, слушать для потехи. Атмосфера взаимного общения была вполне доброжелательной.

Один безусый, с жидковатым голосом молодой слуга, представившийся закупщиком из резиденции великого военачальника, познакомился с усатым местным проходимцем по имени Тянь Сань. Они сошлись, и невесть как сразу нашли общий язык — попили чаю, затем поели, а после и выпили. За один день и вечер они умудрились побрататься и стали закадычными приятелями.

На следующее утро, встретившись на утренний чай, Тянь Сань щёлкнул сальными пальцами, подзывая слугу, чтобы расплатиться, но ему сообщили, что счёт уже оплачен — снова «добрым братцем». Тянь Сань, смеясь, ткнул пальцем в собеседника:

— Эй, это уже нечестно! Каждый раз ты платишь — как же мне, брату, дальше-то быть?

Молодой закупщик ухмыльнулся и, понизив голос (отчего тот звучал уже не так тонко, почти как у обычного человека), сказал:

— Раз уж мы братья, к чему церемонии?

— Точно, о чём речь! — Тянь Сань хлопнул по столу, огляделся по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, завращал глазами, наклонился и понизил голос:

— Ли Линь, брат тебя не подведёт — подарю тебе небывалую заслугу. Берёшь?

Ли Линь сжал чашку, не выдавая ничем своих мыслей:

— О? И что же?

Тянь Сань придвинулся ещё ближе, с видом заговорщика:

— Цзююань — вотчина князя — Стража Севера. Ваш великий военачальник Ю народной любовью не пользуется, местные многого вам не расскажут. Вы, наверное, ещё и не в курсе, что князь-то припрятал в этом городе свою драгоценность. Лелеет её как зеницу ока, души в ней не чаёт... Подумай, если вы её изловите, схватите князя за самое больное место — что ему его ратные подвиги? Будет он у вас в руках, как миленький!

Ли Линь прищурился:

— Правда? — Он был приёмным сыном старшего евнуха-надсмотрщика Ли Гуя, дельным и прозорливым, и как раз для сбора сведений сюда и прибыл. Свои способности он ценил. — А я-то и не знал.

Тянь Сань выпучил глаза:

— Говорю же — скрывают тщательно! Откуда вам знать-то?

— Дело серьёзное... — Ли Линь задумался. — Мы с тобой братья, врать не буду. Я в резиденции военачальника — человек мелкий. Заложить заслугу — это хорошо, но если в этом деле есть подвох, заслуги не видать, а мне, брату, крышка.

Тянь Сань, словно не вынес такого намёка, тут же вскочил, ударив по столу:

— Когда это я, Тянь Сань, братьев подводил? Я тогда сам этого человека видел! Давай сейчас же со мной — сам всё увидишь!

Ли Линь, естественно, согласился.

Двое покружили по улицам, свернули в оживлённый переулок и остановились. Тянь Сань указал на человека в ювелирной лавке:

— Вон он! Ну как, видный?

Ли Линь, служивший при дворе, видал знатных особ. Если кто рядился в убогое — он мог и не распознать, но если кто изображал вельможу — уж в этом-то он кое-что смыслил!

В лавке клиентов разогнали, остался лишь один. Кожа — словно снег, кости — будто яшма, облик изящен и утончён, юношеская незрелость уже сошла, начинала распускаться красота. Глаза слегка удлинённые, внешние уголки приподняты — даже без улыбки в них будто таилась нежность, а красота его черт поражала. Мало того, что сам красив, кожа у него была прекрасная — гладкая, сияющая, будто покрытая перламутровым светом жемчуга. Пальцы длинные и изящные, ногти ровные — видно, что ухожены тщательно, тягот жизни не ведали. И одежда — с виду просто изысканная, неброская, но на самом деле каждый вершок ткани был редкостью, а портной, что шил её, вложил в работу все свои умения.

Украшений на нём было немного: про нефритовую шпильку в волосах и говорить нечего — один вид! А взгляни-ка на ароматный мешочек на поясе — без нескольких дней тщательной подготовки такую вещь не состряпать.

Что и говорить — очень даже походил на того, кого холят и лелеют.

Услышав условный сигнал, Гу Тин понял, что цель явилась. Он даже глаз не скосил в ту сторону, неспешно демонстрируя свою аристократическую сущность.

Благодаря опыту прошлой жизни, пережитому и увиденному, некоторые манеры можно было изобразить без особого труда. Этот наряд он готовил давно — ещё не доехав до Цзююаня, он уже дал У Фэну список, чтобы тот тайно заказал всё в лучших лавках. Фасон, узор, ткань — всё делалось по его указанию, включая ароматный мешочек на поясе.

Показывать себя нужно, но без излишней нарочитости. Если он — избалованный фаворит, которого князь — Страж Севера носит на руках, то к этим внешним атрибутам он не должен относиться слишком серьёзно. Чем небрежнее — тем правдоподобнее. А чем небрежнее он,

тем больше сердце у знатока-наблюдателя будет обливаться кровью, тем сильнее будет казаться его изнеженность.

Князь — Страж Севера всё-таки властитель этих земель. Разве может его «сокровище сердца» быть заурядным? Таланты не обязательны, глубокие познания — тоже, но умение жить в роскоши и капризный нрав — обязательно.

Гу Тин швырнул на стол вещь, которую хозяин лавки почтительно подал ему:

— Что за хлам вы мне подносите? Смеее морочить мне голову?

Хозяину было до боли жаль — лучшее сокровище его лавки, а клиент называет хламом...

— Господин, это действительно лучшее, что есть в лавке...

Гу Тин фыркнул:

— Тогда и лавке вашей незачем существовать.

— И-ихх... — Тянь Сань на улице нечаянно выдернул себе волосок из бороды. — Видал, какой нрав? Князь — Страж Севера ему во всём потакает, он никого не боится!

— Ещё бы... — Ли Линь кивал, глаза его бегали, полные расчётов.

Всё шло как по маслу, но внезапно у входа в ювелирную лавку возникла непредвиденная ситуация.

— Ты-ты не подходи... а то я сейчас... сейчас кровью истеку... — Грязный юноша с круглым, как пампушка, лицом трясущимся пальцем указывал на мужчину с жёлтыми, как дощечки, зубами, казалось, он в ужасе.

Желтозубый фыркнул:

— Ты *лаоцзы* толкнул, извиниться не удосужился, а теперь ещё и вымогаешь?

Юноша с круглым лицом ухватился за ворот, глядя, вот-вот расплчется:

— Я правда истеку! Осмелся подойти — истеку!

На улице мигом собралась толпа зевак. Что такое? Представление с вымогательством? Кто кого обманывает?

Желтозубый, выдавший виды на большой дороге, на такие угрозы не велся и протянул руку, чтобы схватить юношу. В тот миг, когда его крупная ладонь сжала плечо юноши, —

— Бу-ух!

Юноша и вправду истёк кровью.